

ТАК ОТКРЫВАЕТСЯ МИР ПРЕКРАСНОГО

БЫВАЮТ моменты, когда человек испытывает исключительный подъем. Такое чувство охватило меня, когда я слушал чудесную музыку в исполнении Государственного симфонического оркестра Соколь ССР под управлением народного артиста СССР Евгения Светланова. Это было тем более прекрасно, что музыка звучала в цехе. Могут ли творения Глинки и Чайковского не могли никого оставить равнодушным?

Вспоминалась в одухотворенные дни музыкантов и вдохновенные жесты дирижера, одухотворяющего оркестровое исполнение, и думал о том, что вот такие одаренные люди способны своим творчеством помочь слушателям понять и почувствовать замыслы музыкального произведения.

Нелегок труд музыканта: репетиции и концерты занимают очень много времени, требуют огромного напряжения физических и духовных сил. И не так просто состоять в коллективе такого прославленного оркестра — настоящей всех лучших традиций классической русской и советской музыки. И приходится лишь сожалеть, что оркестровые музыканты обычно остаются безымянными.

Перевозку взгляда на слушателей в рабочих костюмах, по-дальному сородиченных. Среди них есть и мои товарищи по труду — машины. Работа у нас тоже не легкая, беспокойная. И мы можем гордиться тем, что коллектив нашего дела верен славным традициям железнодорожников Казакии.

Вот какие мысли пришли в голову на встрече двух прославленных коллективов. И когда ведущая программа напомнила ленинским словам о том, что искусство принаследует народу, то каждый подумал: да, действительно оно принадлежит трудящимся.

Похоже то, что некоторые наши коллеги — машины-инструменты недопонимают значение таких мероприятий, как концерты в цехах, явно недоброжелательная роль искусства в духовном формировании человека. Ничто не может расценить тот факт, что на концерт не удалось привлечь многих наших машинистов и помощников, хотя эти собрания им было известно об этом. В тот день и час, когда в них в дело пришел оркестр, в ходе которых проводились технические занятия локомотивных бригад.

Технические занятия у нас бывают каждую неделю, а такие концерты удается послушать очень редко. Работа у машинистов разнодна: не успеешь приехать и отдохнуть, как снова в рейс. В театр попадешь нескоро. И мне думается, что машинисты-инструменты все это следят учиться, да и сами следовали бы приобщиться к искусству. Думается, что такие встречи с миром прекрасного будут у нас и в будущем.

Н. УДАЛОВ,
машинист.

(Из многотиражной газеты «Первый субботник» — органа партийного комитета М. А. Чекина и администрации Трудового Красного Знамени депо Москва-Сортировочный.)

С МОЛЬБЕРТОМ ПО СТРАНЕ

Выставка акварели «Литва в семье братских народов» состоялась в Каунасском художественном музее имени М. К. Чюрлениса. В работах художников, вернувшихся из творческих командировок по братским республикам, широко отражены жизнь и труд народов Страны Советов.

Тысячи километров проехал и прошел пешком по просторам России мастер акварели П. Порутик. Он представил работы, эмоционально отражающие жизнь и труд народов Страны Советов.

Тысячи километров проехал и прошел пешком по просторам России мастер акварели П. Порутик. Он представил работы, эмоционально отражающие жизнь и труд народов Страны Советов.

Большой раздел посвящен шагам девятых пятилеток в Литве, художники рассказывают о будущем строителей Каунасской ГЭС, киевлянам, кирзовым.

(Корр. ТАСС.)

ПОРТРЕТ современника

— Выходит, что с первым же встречи перед собой раскрывается член общества, членом которого я сам был. Границы карантинного изоляции неудержимо влечет к себе. Так говорят Борис Михаилович Бородин, художник-концептуалист, кинокритик, кинорежиссер, на которого начали работать над портретом. — Вот и встреча с Львом Александровичем Толстым, — продолжает он, — произошла не из-за того, что я из-за него из плены в БДРМ. Мне поразило, как поглощен был этот человек смотреть на людей, нам — внимательно, но не изучительно, и все записывал что-то в блокнот. Это и составило его изобразительное мастерство. Потом я спросил: «Что вы пишите?». Толстой ответил: «Все, что я вижу». Подмыселен, а сейчас он спасся — ремонтируя один из заводов в Благовещенске, уединенный на Камчатке.

Позже, в процессе работы над портретом, Лев Александрович начал позировать, наш знаменитый стал более близким. Человек, который не любил производственников, начал сомневаться в их заслугах, — говорит Бородин. — Известно, что он любил писать о людях, о которых говорили в СМИ, будущем предстоящем в Москве. Мне понравилось, что он еще поработал и полностью передал в портрете честность, взъерошенность. • В. Кересимен. Портрет удивил меня искрометическим трудом.

(Корр. ТАСС.)

АШХАБАД

О трудовых буднях добычников серы рассказывает новый фильм кинокомбината Гурдакского серного комбината.

Участники съемок побывали в колхозах родственных предприятий — на Раздольном, Язовском, Ивано-Франковском комбинатах. Они запечатлевали на пленку новую Гурдак, эпизоды из жизни лучших производственных комбинатов, строителей, геологов, которые станут героями будущей киноповести.

Когда оба фильма пишут как об «актере рабочей темы», я, признаюсь, не без юмора испытываю, что на все моя самая известная роль — от «чужой роли» до «высоты», включая «серебро» на Заречной улице, — меня утверждала в последний момент, перед началом съемок, после множества проров и сомнений. Одним словом, в некоем безвоздушном положении: снимать надо, в кого сматывать! Сображенное званили разными: то я была слишком молода, то слишком проста, то слишком невинственна, то еще недостаточно опытна. Помимо, первым фильмом, в котором теперь уже меня утверждавали снять, оказалось «Девчак». Здесь уж я сказала: что недостаточно молод. Однако же в результате я согла-

ПО ЗАКАЗУ

РАЗВЕДЧИКИ НЕДР — о своем труде

О трудовых буднях добычников серы рассказывает новый фильм кинокомбината Гурдакского серного комбината.

Участники съемок побывали в колхозах родственных предприятий — на Раздольном, Язовском, Ивано-Франковском комбинатах. Они запечатлевали на пленку новую Гурдак, эпизоды из жизни лучших производственных комбинатов, строителей, геологов, которые станут героями будущей киноповести.

Когда оба фильма пишут как об «актере рабочей темы», я, признаюсь, не без юмора испытываю, что на все моя самая известная роль — от «чужой роли» до «высоты», включая «серебро» на Заречной улице, — меня утверждала в последний момент, перед началом съемок, после множества проров и сомнений. Одним словом, в некоем безвоздушном положении: снимать надо, в кого сматывать!

Съемки съемки съемки...

РАБОЧЕГО КЛАССА

Пьеса Игнатья Дворецкого «Человек со стороны» вошла сегодня в репертуар более пятидесяти театров. Что привнесло ей такой успех? Потому что чисто производственные заботы начальника литецкого цеха Алексея Чешкова стали интересны и близки тысячам зрителей? Вот как отвечает на эти вопросы начальник вехи Ленинградского оптико-механического объединения Макс Даих: «Не издуманный лабиринт трудностей, коткийющий из одной так называемой «производственной» пьесы в другую, а выход в сегоднишний и даже завтрашний день — вот в чем сила открытого публицистического произведения «Человек со стороны». Причины победы Алексея Чешкова, успеха пьесы в том, что на стороне «человека со стороны» — правда жизни».

Я встретился с Игнатьем Монсеевичем Дворецким в Ленинграде. Это совсем не просто — застать его дома. Большую часть времени писатель проводит на стоянках, в пекарнях — среди герояев своих произведений. Кстати, совсем недавно он вернулся из далекого Норильска. Наш разговор был посвящен той неразрывной связи литературы, искусства с жизнью, которая рождает подлинно современные произведения.

НАВЕРНОЕ, всему виной то, что начинал я как писатель, как оператор, чтобы ограничить себя четырьмя стилями: комедиями просто невозможно. Раз шесть назад я на Братскую ГЭС. Писал о людях этой стройки, когда она только начиналась, когда звонили первые пылесосные города, и потом, когда я сменил город Братск и первый том Ангари прошел по высоковольтным линиям Сибири.

Я был, что называется, одержим Братском и, наверное, надеясь рассказами о нем своим друзьям. Однажды помню, встретил я романиста и драматурга Александра Борисовича и рассказал ему историю жизни одного прекрасного человека — Алексея Степановича Южакова. Воспоминания в отставке, он руководил строительством трассы ЭЛП-500, был начальником строительства правого берега, в когда-то разрушил комсомольские и партийные работники, никогда не державшие в руках патернаса, искал никакого технического образования. Он был великолепным организатором, честолюбивым сильного характера, не боялся брать на себя ответственные решения: он был человеком дела, а не болтози и поэтому имел право быть руководителем.

— Да что же говорят письма, — сказал мне Борисовичский, — садись и пиши.

На следующий день мне позвонил по телефону залитий Московского театра имени Пушкина Подобедова и с места в кабинете начал: «Приходи писать пьесу о Братске, дай ее нам почитать». Никакой пьесы нет, в книге текста «Командование». — Странно, нам только что звонил Борисовичский и сказал: «Пиши пьесу о производстве. Искусство из того, что вы говорили, можно понять, что ее герой также имеет конкретные жизненные прототипы».

Несомненно. Я приехал в свое время на завод, на очень большой завод под Ленинградом, который назывался одновременно с машиностроением и металургией. Я прошел там три месца безвыездно. Мне дали квартиру, денег можно было ходить по цехам, ветеринарии, на выставки. Наблюдения были, в конфликтах, характеров не оказа-

лась. Придуманные люди не могли заменить живых. Так мне открылась самоподвижность.

Может быть, это мой недостаток, но я не могу ничего написать, пока не окунусь с головой во все подробности труда и жизни героя, не встречу людей в их судьбах, индивидуальное переплетение со всеми, типичными для времени.

Так было, когда рождалась пье-

са «Человек со стороны»: я писал с человеком со стороны — Алексеем Чешковым, и встретился на официальном заседании во Дворце культуры завода. Меня познакомили с мадамским ансамблем человеком

из коллектива.

И в общей сложности в профиль на заводе больше года.

И снова еще раз убедился, как нужны прототипы, как важно находить людей конкретных в их обычных, каждодневных производственных условиях, не вообщем знать жизнь. Кстати, режиссерами и актерами это полезно не меньше, чем драматургам. Для глубокого знакомства с жизнью и проблемами заводского коллектива нужно время. Экскурсия тут ничего, кроме подводных выключений, не дает. Но поездки на завод мне казались, что в какой-то мере решают проблемы современного производства, и в специальном изучении проблем заводского коллектива, пожалуй, не лучше.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

Он был не очень разговорчив, этот человек, он не позволял мне видеть рядом с ним довольно долгое время. Я слышал и видел. И он помог мне понять, почему коммунисты на судьбы людей, понять, какие они рождают концепции в коллективе.

Я мог бы рассказать о нем маску подобности, ведь он дал толчок к пьесе, помог написать Чешкова.

СМИР · ПРОБЛЕМЫ · СОБЫТИЯ · ФАКТЫ

ДЕТИ, НАПАДАМ И ПОЖАРНИКИ

Огромное внимание привлекла выставка фотографий о войне во Вьетнаме. Далее и Камбодже, снятых корреспондентами американских газет и телевидения. Несколько недель в Бруклинском музее в Нью-Йорке, где она была развернута, толпились народ, сумрачно рассматривавший с видетельством об агрессивных действиях, развязанных американской реакцией на территории государства Индокитая.

У выставки этой была еще одна особенность: ее авторы — их было девять — погибли, фотографировали военные действия. Эти фотографии не были противниками войны во Вьетнаме. Их толкали туда их журналистская «природа». Но судьба их, оставленных ими фотографий, превратилась в мощный антикитайский символ.

Одна из выставленных фотографий привлекла особое внимание. Ее автор — Дэн Стоун. На фотографии изображен обожженный нацистом вьетнамский мальчик, пытающийся помочь из-под обломков покрывшему его голову и лицо.

Фотография эта вызвала особое внимание потому, что почти одновременно с этим газета «Дэйли уорд» опубликовала статью известного американского публициста Филиппа Бонсона под заголовком «Пожарники и жертвы нападала».

Вот что, в частности, пишет Ф. Бонсон:

«Вы, несомненно, вчера смотрели телепередачи. Знаете, вы видели бегущую под разрывами бомб вьетнамскую женщину, на руках которой — ребенок. С тела ребенка ссыпалася лохмотья. Дышащие лохмотья, но не ткани, а кожа, мясо. Затем нам сообщили, что ребенок скончался от ожогов.

По той же телепрограмме вероятно, видели еще одного ребенка. Тоже выт-

жали тех вьетнамских ребятишек, которых я видел по телевизору. И мы, группа пожарников, поклялись сберегем деньги привезем их лечить сюда — в Америку. Но, как заявил немедленно Джон Мир, это не протест против войны. Это не политические действия, мы просто хотим помочь им, потому что мы знаем, какую боль доставляют ожоги. Я все наставлял, что лучшее средство спасти детей не только от ожогов, но и от всех страданий — покончить с войной. Но пожарник все качал головой и говорил,

что он «не хочет впутываться в политику».

Пожарники создали свой фонд, и каждый, кто хочет помочь лечению обожженных нападающих вьетнамских детей, может сделать взнос. Но тем, кто почтит еще побеги под бомбардировками в Имбонгтае, добрые пожарники не помогут».

Л. СЕРГЕЕВА.

женные, тоже с зияющими ранами.

Не в один был потрясен этим документом. Мне довелось говорить с одним из пожарников. Его имя — Джон Мир. И он работал в Бронксе. Вот что он сказал: «Я — пожарник. Я знаю, что такую жизнь не могут помочь из-под обломков покрывшему его голову и лицо.

Фотография эта вызвала особое внимание потому, что почти одновременно с этим газета «Дэйли уорд» опубликовала статью известного американского публициста Филиппа Бонсона под заголовком «Пожарники и жертвы нападала».

Вот что, в частности, пишет Ф. Бонсон:

«Вы, несомненно, вчера смотрели телепередачи. Знаете, вы видели бегущую под разрывами бомб вьетнамскую женщину, на руках которой — ребенок. С тела ребенка ссыпалася лохмотья. Дышащие лохмотья, но не ткани, а кожа, мясо. Затем нам сообщили, что ребенок скончался от ожогов.

По той же телепрограмме вероятно, видели еще одного ребенка. Тоже выт-

жали тех вьетнамских ребятишек, которых я видел по телевизору. И мы, группа пожарников, поклялись сберегем деньги привезем их лечить сюда — в Америку. Но, как заявил немедленно Джон Мир, это не протест против войны. Это не политические действия, мы просто хотим помочь им, потому что мы знаем, какую боль доставляют ожоги. Я все наставлял, что лучшее средство спасти детей не только от ожогов, но и от всех страданий — покончить с войной. Но пожарник все качал головой и говорил,

что он «не хочет впутываться в политику».

Пожарники создали свой фонд, и каждый, кто хочет помочь лечению обожженных нападающих вьетнамских детей, может сделать взнос. Но тем, кто почтит еще побеги под бомбардировками в Имбонгтае, добрые пожарники не помогут».

Советские зрители знают Ольгерда Лукашевича по фильму «Дядя Федя», где он сыграл роль пожарника в короне и «Президент».

Мы попросили Ольгерда Лукашевича ответить на несколько вопросов, касающихся его творчества, его профессии, его планов на будущее.

— Вы воспитанник театральной школы, театральный актер, снимавшийся в кино? Или, может быть, наоборот: киноактер, играющий на сцене?

Ольгерд Лукашевич — один из популярнейших сейчас в Польше молодых киноактеров, представитель нового поколения польских кинематографистов, или, как их называют критики, «третьего польского кинопроцесса» — продолжения «Соли черной земли». В этой картине я как бы опроверг свою жизнь: будучи двадцатилетним юношей, играл зреого человека, отца семейства.

Я абсолютно, почему, с моей точки зрения разумеется, играл зреого человека, труднее, так как считаю, что она является чертой чисто театральной. Разумеется, порой в кино уже необходимо в кино и театре есть различие. В кино ограничивается некоторыми сценами подобий. В театре же является последовательной картиной человека.

Но вернемся к «Берендейку». Перед съемками Вайды показал нам несколько новых фильмов двадцатых годов. Я думаю, что он сделал это для меня. У «воды» немого кино я перенес некоторые утилитарности мимии, их специфическую, не-скользкую «сделанную» улыбку, которая, по мере эволюции образа Станислава, становилась все многообразнее.

Конечно, сопоставление Станислава со «злездами» немого кино не совсем точно хронологически. Новелла «Книжница Иашински» в 30-е годы, точнее, в 1932 году. Но самой из наших задач было создать художественный тип юноши, и нам казалось, что таким сопоставлением мы скорее преодолеем временные дистанции.

Драматургия «Берендейка» выстроена на контрастном сопоставлении двух образов — Станислава и его брата, который играет Данись Ольбрыйский.

Ольбрыйский играет в фильме мужественное начало, а также — более женственные.

Драматургия «Берендейка» выстроена на контрастном сопоставлении двух образов — Станислава и его брата, который играет Данись Ольбрыйский.

Ольбрыйский играет в фильме мужественное начало, а также — более женственные.

Станислава в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную характеристику. Однако в фильме «Берендейка» в пластическом выражении заторжливается в тот момент, когда спектакль выходит за рамки определенного, минимального, что ли, натурализма. Я чувствую себя хорошо в спектакле только в том случае, если могу играть артистично.

— Вы сказали, что не любите в кино ярко выраженную